

Внезапные порывы ветра с силой бились о плотно закрытые стеклянные окна, то и дело издавая громкий гул, от которого всем в классе становилось тревожно. Свет в помещении сильно потускнел, и учителю пришлось включить лампы дневного света, чтобы фотографии на доске стали отчетливо видны. Многие ученики, включая Чэн Есиня, захватили с собой дождевики — он сразу сообразил, что после уроков уже не удастся спуститься с горы по деревянному настилу.

Чэн Есинь старательно вырисовывал набросок, и лишь во время перемены заметил, что за окном сгустились черные тучи. В этот момент ему написал Лю Цинь и поинтересовался, пришел ли он на занятия. Чэн Есинь мысленно хмыкнул, подумав, уж не прогуливает ли этот лоботряс снова уроки? Ответив честно, он получил от Лю Циня крайне восторженное сообщение: «Давай после звонка сходим в класс для продвинутых на третьем этаже! Сегодня будет натурщик без одежды! [хитрая улыбка]»

Прочитав это, Чэн Есинь потерял дар речи. Но поскольку ему еще никогда не доводилось видеть живых обнаженных моделей, мысль о такой возможности все же вызвала у него внутреннее, с трудом сдерживаемое волнение и трепет. Как выглядит настоящий натурщик? В прошлый раз Лю Цинь расписывал грудь модели — неужели они действительно предстают перед учащимися художниками абсолютно голыми, позволяя учителям и ученикам рассматривать и изучать себя? Не станут ли они от этого зажатыми и напряженными? Если они зажаты, разве получится передать на бумаге истинное состояние человека? Представив, что когда-нибудь в будущем, перейдя в продвинутый класс, ему тоже придется измерять пропорции человеческого тела с помощью карандаша, Чэн Есинь невольно слегка содрогнулся.

Лю Цинь был куда более возбужден, чем Чэн Есинь, и объявился у дверей класса среднего уровня едва прозвенел звонок с урока. Преподаватели художественной студии знали Лю Циня все до единого, и учитель среднего класса, заметив его плутоватую улыбку, по одному лишь взгляду понял: этот парень — безнадежное дело. Лю Цинь давно привык к такому отношению; дождавшись, пока учитель отойдет, он скочил ему в спину огромную гримасу, а затем заговорщицки обратился к Чэн Есиню:

— Быстрее, у них скоро конец занятия. Опоздаем — и модель успеет одеться!

— Разве нам можно на это смотреть? — ведомый им за руку, Чэн Есинь испытывал страшные сомнения.

Но Лю Цинь уверенно заявил:

— Конечно, мы же подсматриваем тайком!

Услышав это, Чэн Есинь остолбенел и лишился дар речи.

Класс продвинутого уровня располагался на самом верхнем этаже студии, и во время сеансов рисования с натуры в коридоре выставляли табличку с надписью: «Посторонних просьба не беспокоить». Обойдя эту преграду, парочка согнувшись в три погибели прокралась вдоль окон к нужному помещению. Лю Цинь то и дело выпрямлялся, чтобы кинуть вороватый взгляд и

проверить, хороший ли открывается обзор, пока Чэн Есинь на карачках сторожил на стреме.

Приближался тайфун, ветер растрепал волосы и одежду Чэн Есиня, а заодно смочил брызгами мелкого дождя, занесенного в воздушные потоки. Подождав какое-то время, он тихонько спросил:

— Ну как?

— Эх, смотреть особо не на что, — недовольно пробурчал Лю Цинь, присаживаясь на корточки и поджав губы. — Там парень.

Чэн Есинь пару раз моргнул, про себя подумав, что истинные намерения его приятеля уж слишком очевидны. Подползя ближе к Лю Циню, он с любопытством поинтересовался:

— Лицом или спиной сидит?

— Лицом, — тот подпер щеку рукой, немного подумал, а затем снова свесился животом на подоконник и невнятно протянул: — Худой как бамбук, и чего тут рисовать? Лучше бы меня нарисовали!

Чтобы обеспечить достаточное освещение, во всем классе шторы на окнах не задергивали; ученики сидели рассредоточенно по периметру комнаты, а натурщик расположился в самом еепереди. Проглядывая сквозь ряды силуэтов и мольбертов в промежутках между ними, Чэн Есинь разглядел, что Ян Люй сидит на классическом европейском кресле в стиле барокко. Его сердце резко забилось — удар оказался настолько сильным, что в груди даже заныло.

Ян Люй сидел абсолютно голым, и его белая кожа с точеным телом выглядели крайне чужеродно и жутковато на фоне роскошной и вычурной обивки дивана. Обе его руки мягко лежали на крошечном плюшевом медвежонке, а интимные места между ног наполовину прикрывала пушистая игрушка, то появляясь, то скрываясь из виду. Выражение лица Ян Люя было отрешенным — казалось, он уставился стеклянным, лишенным всякого блеска взглядом в какую-то точку на полу, словно марионетка. При этом его тело еще хранило черты юности: хрупкое, упрямое, с едва заметным розоватым оттенком на коленях и локтевых суставах, за этой тишиной таилась бурная, бьющая ключом жизненная сила.

Чэн Есинь сам не заметив как прикусил пересохшие губы, не в силах оторвать глаз.

Внезапно за его спиной раздался ледяной голос:

— Что вы здесь делаете?

Услышав его, Чэн Есинь от испуга шлепнулся на задницу, но тут же снова присел на корточки. Обернувшись и задрав голову на стоявшего перед ним мужчину, он на миг замер. Мужчина в очках в золотой оправе выглядел очень красиво, но выражение лица его было донельзя холодным и суровым. Чэн Есиню показалось, что он где-то его видел, и припомнив

подробности, он сообразил, что уже встречался с ним однажды: кажется, именно этот мужчина забирал Ян Люя в тот раз у входа в бургерную.

— Я-Ян-лаоши... — виновато улыбнулся Лю Цинь, не зная, то ли ему присесть, то ли встать.

Услышав это, Чэн Есинь остолбенел и невольно уставился на этого дядю во все глаза, подумав про себя: неужели он и впрямь отец Ян Люя? Тот равнодушно посмотрел на них, толкнул заднюю дверь класса и крикнул внутрь:

— Урок окончен!

Чэн Есинь переглянулся с Лю Цинем и испуганно шепнул:

— Кто он?

— Преподаватель продвинутого класса, по фамилии Ян. Хозяин студии нанял его за огромные деньги, — тихо ответил Лю Цинь.

Пока они переговаривались, из класса уже стали выходить ученики с папками для рисунков подмышкой. Заметив примостившихся под окнами подростков, они принялись переглядываться и перешептываться, а на лицах некоторых проступили многозначительные ухмылки — судя по всему, те догадались, почему занятие прервали раньше времени.

Большинство из этих ребят были ровесниками Чэн Есиня или чуть старше, и трудно было понять, старшеклассники они на летних каникулах или студенты университетов. Чэн Есинь сидел на корточки, уткнувшись взглядом в пол и прикрывая лоб рукой, точно пойманный с поличным в полицейском участке подозреваемый, чтобы никто не смог разглядеть его лица.

Прошло немало времени, прежде чем из класса вышел последний ученик. Заметив из угла глаза, как Лю Цинь дергает его за штанину, Чэн Есинь с недоумением обернулся и перехватил его многозначительный взгляд. Переведя взор обратно на распахнутую настежь дверь класса, он обнаружил, что тот самый преподаватель по фамилии Ян в упор, не мигая, смотрит прямо на них.

— Вы кто такие? — бесстрастно спросил он.

Чэн Есинь почти не сомневался, что перед ним действительно отец Ян Люя — их лица и холодное выражение отстраненности были абсолютно одинаковыми. Чувствуя себя крайне неловко, оба поднялись на ноги и подошли ближе. Лю Цинь заикаясь произнес:

— Мы ученики среднего и начального классов...